

УДК 94(47).08

DOI: 10.30914/2411-3522-2022-8-1-72-80

**ИДЕЯ СВОБОДЫ СОВЕСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ВОЗЗРЕНИЯХ А. Ф. КОНИ
И ЕГО ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ****Д. В. Рыбин***Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России),
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Аннотация. В Российской империи исторически сложилась тесная взаимосвязь между светской властью и Русской православной церковью (РПЦ). Императорская власть воспринимала РПЦ как одну из своих опор и поэтому неизменно обеспечивала ей исключительный правовой статус государствообразующей религии. Российский самодержец, обязательно православный, рассматривался как «верховный защитник» (гарант) православия, православное духовенство принимало участие во всех государственных мероприятиях. Целью нашего исследования является установление позиции умеренных легалистов (высших юристов империи) по вопросу о введении свободы совести в империи и деятельность их лидера – А. Ф. Кони, направленная на принятие этого принципа российским государством. Для достижения этой цели мы использовали проблемно-хронологический метод. В качестве источников были привлечены опубликованные работы А. Ф. Кони и архивные материалы из его личного фонда. Анатолий Федорович в своих опубликованных и неопубликованных работах определил истоки роста негативного отношения многих подданных империи к РПЦ и Российскому государству в конце XIX века. Ошибочные действия власти подогревали и усиливали религиозный сепаратизм. Искусственные и зачастую бессмысленные ограничения раздражали и озлобляли неправославные религиозные группы. Ошибки государства были подробно проанализированы и раскритикованы в трудах знаменитого юриста. Умеренные легалисты и их представитель А. Ф. Кони видели в свободе совести и вероисповедания путь к освобождению духа человека от ограничительных стеснений. Призывание к «истинной», то есть православной религии должно было происходить путем положительного примера и сопровождаться большим терпением.

Ключевые слова: умеренные легалисты, А. Ф. Кони, свобода совести, свобода вероисповедания, Русская православная церковь, старообрядцы

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Рыбин Д. В. Идея свободы совести в Российской империи в воззрениях А. Ф. Кони и его единомышленников // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2022. Т. 8. № 1. С. 72–80. DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2022-8-1-72-80>

**THE IDEA OF FREEDOM OF CONSCIENCE IN THE RUSSIAN EMPIRE
IN THE VIEWS OF A. F. KONI AND HIS ASSOCIATES****D. V. Rybin***St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia),
St. Petersburg, Russian Federation*

Abstract. In the Russian Empire, a close relationship has historically developed between the secular authorities and the Russian Orthodox Church (ROC). The imperial power perceived the ROC as one of its pillars and therefore invariably provided it with the exclusive legal status of a state-forming religion. The Russian autocrat, necessarily Orthodox, was regarded as the “supreme defender” (guarantor) of Orthodoxy; the Orthodox clergy took part in all state events. The purpose of our study is to establish the position of moderate legalists (the highest jurists of the empire) on the issue of introducing freedom of conscience in the empire and the activities of their leader, A. F. Koni, aimed at the adoption of this principle by the Russian state. To achieve this goal, we used the problem-chronological method. The published works of A. F. Koni and archival materials from his personal fund were used as sources. Anatoly Fedorovich, in his published and unpublished works, identified the origins of the growth of the negative attitude of many subjects of the empire towards the Russian Orthodox Church and the Russian state at the end of the 19th century. The erroneous actions of the authorities fueled and

intensified religious separatism. Artificial and often meaningless restrictions irritated and embittered non-Orthodox religious groups. The mistakes of the state were analyzed in detail and criticized in the writings of the famous lawyer. Moderate legalists and their representative A. F. Koni saw in freedom of conscience and religion a way to free the human spirit from restrictive constraints. The call to the "true", that is, the Orthodox religion, had to take place through a positive example and be accompanied by great patience.

Keywords: moderate legalists, A. F. Koni, freedom of conscience, freedom of religion, Russian Orthodox Church, Old Believers

The author declares no conflict of interests.

For citation: Rybin D. V. The idea of freedom of consciousness in the Russian Empire in the views of A. F. Koni and his associates. *Vestnik of the Mari State University. Chapter "History. Law"*. 2022, vol. 8, no. 1, pp. 72–80. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2022-8-1-72-80>

Процесс реализации свободы совести и вероисповедания в поздней империи становился предметом тщательного исследования на рубежах XIX–XX вв. и XX–XXI веков. Только за последние 30 лет было защищено несколько диссертаций и написано немало научных работ по рассматриваемой нами теме. Среди основных тем в последние годы можно отметить труды по влиянию принципа свободы совести на развитие уголовного законодательства (Т. Г. Минеева, В. Б. Романовская, В. П. Сальников) [6], трансформации законодательства о свободе совести в период Первой русской революции (А. А. Дорская, Е. М. Лучшев, Ф. А. Селезнев) [2; 3; 4; 5; 9], помещению свободы совести в контекст общих реформ Столыпина (В. К. Пинкевич, С. В. Золотых) [7], роль МВД империи в проведении вероисповедной политики империи (Н. В. Шингарева, Е. Г. Ермаков) [10].

Российская государственность развивалась как поликонфессиональная общность. Государство напрямую регламентировало деятельность иных конфессиональных организаций, которые подразделялись на «терпимые признанные» и «терпимые непризнанные». Деятельность «терпимых признанных» религий (католическая, протестантская, иудейская, мусульманская и другие) была строго регламентирована. «Терпимые непризнанные» (некоторые секты, старообрядцы) в правовом смысле не признавались. За «сворачивание» православного в иную (даже христианскую) религию была установлена уголовная ответственность, вплоть до ссылки на каторгу¹. Пра-

вославные родители, если воспитывали своих детей не в православной вере подвергались уголовному наказанию, а детей забирали от отца и матери и отдавали в православную семью². Православный, отступивший от веры, поражался в правах³. Существовал законодательный запрет на отступление от православной веры. В середине XIX века в Российской империи отсутствовала свобода совести и существовала формальная свобода вероисповедания.

К последней четверти XIX века накопилось много противоречий между РПЦ и «терпимыми» религиями, а также со старообрядцами и сектантами. На последних, с легкой руки Святейшего Синода, был объявлен своего рода «крестовый поход», местная администрация и полиция стали препятствовать их собраниям, отправлению культа, чтению религиозной литературы и так далее. Например, были введены законы об ответственности за совершение треб для православных раскольниками и иносвященниками (1889, 1893); усилены наказания за допущение публичных еврейских богомолений не в установленных для того местах (1892) и прочее.⁴

Старообрядцы и сектанты пытались защищать свои права в судах, дела доходили до Сената, приобретали статус «громких дел», их широко обсуждали в печати, несмотря на попытки придать этим делам полусекретный характер. На местах такая государственно-церковная политика в отношении старообрядцев и сектантов сформировала у части русского населения нетерпимое отношение к ним. Одновременно все отчетливей

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. С разъяснениями по решениям кассационных департаментов Правительствующего Сената. СПб., 1869. С. 54–55.

² Там же. С. 56.

³ Там же. С. 55.

⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 1330. Л. 25–27.

становились проявления взаимной неприязни между прихожанами и православными священнослужителями, особенно в сельской местности [8, с. 179–191]. Параллельно всем этим процессам реализовывалась политика русификации в национальных окраинах Российской империи. Русификация окраин была напрямую связана с расширением влияния РПЦ и наступлением на «местные конфессии». Последнее также провоцировало конфликт интересов, вызывало напряжение среди местного населения. Градус общественного противостояния нарастал по всем направлениям деятельности РПЦ. Все это привело к тому, что вопрос о свободе совести в Российской империи к началу XX века был одним из наиболее острых в общественно-политической повестке дня [2, с. 70].

На такие неутешительные итоги государственно-церковной политики обращали внимание многие представители российской интеллигенции и пытались найти разумные выходы из сложившейся ситуации. Не осталась в стороне от этого острого вопроса группа российских умеренных легалистов¹, неформальным лидером которой был выдающийся правовед и общественно-политический деятель А. Ф. Кони. Кони и его единомышленники в своей практической деятельности не просто сталкивались с «религиозными делами», а зачастую были с головой погружены в церковное право, рассматривая в Сенате дела по старообрядцам и сектам. Например, Кони, работая обер-прокурором уголовно-кассационного департамента Сената в 1885–1891 гг. и 1892–1896 гг., стал специалистом по «религиозным делам», авторитет которого признавали его коллеги-сенаторы. Видный судебный деятель той эпохи А. М. Бобрищев-Пушкин в 1896–1900 гг. написал серьезное научное исследование, посвященное раскольникам и сектантам [1]. Последнее представляло собой руководство для судебных деятелей, рассматривающих религиозные дела, которое содержало богатый опыт автора.

¹ Умеренные легалисты – политизированная часть российских юристов конца XIX – начала XX в., группа внутри консервативно-либерального движения, участвующая в трансформации империи в правовое государство. К ним относятся: А. А. Арсеньев, А. М. Бобрищев-Пушкин, П. А. Гейден, И. И. Карницкий, А. Ф. Кони, С. С. Манухин, Н. С. Таганцев, М. М. Стасюлевич, М. А. Стахович, Н. Э. Шмеман и многие другие.

Кони и его единомышленники ключом к решению кризиса в государственно-церковной политике считали введение в империи реальной свободы вероисповедания и свободы совести. По их мнению, такое решение привело бы к оздоровлению духовной жизни многоконфессионального общества и снизило бы градус противостояния. Легалисты, рассуждая о праве личности выбирать или не выбирать какую-либо религию, без сомнения, стремились к своему идеалу – правовому государству и всячески пытались направить империю по этому пути.

Шла дискуссия и поиск причин кризиса государственно-церковной политики. Кони констатировал, что под покровом официального исповедания скрывалась расшатанность и упадок искренних религиозных верований. У низших слоев народа он отмечал проявление самого грубого фетишизма, эпидемию пьянства и скотскую деморализацию, а в высших слоях – тупое суеверие или полное неверие, туеядство, разврат, холостство, продажность и измену священным интересам народной жизни². Такое состояние дел в духовной сфере народа он проецировал в общественно-политическую плоскость. Кони пророчески на обозримом горизонте предвидел русскую революцию: «...и мы как будто не видим этого, как будто это явление какой-то посторонней жизни, а не грозные признаки неисчислимых бедствий и унижения, если несовершенной гибели нашей собственной родины, наших детей, наших потомков»³. Кони отрицательно относился к идее государства без религии, последняя, по его мнению, представляет собой хранительницу нравов. Интересен взгляд Кони на сложившуюся модель взаимоотношения государства и религии в России. Признавая, что государство высоко ценило влияние религии на народ, юрист обращал внимание, что это влияние ценилось исключительно как опора правительственной силы, были совершенно упущены потребности внутренней жизни самого народа. В итоге Кони видел «корень зла» в том, что правительство де-факто конфисковало религиозный институт в свою пользу, предоставляя для духовных потребностей народа только то, что признавалось пригодным для целей правительственного механизма⁴.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 564. Оп. 1. Д. 185. Л. 1.

³ Там же. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 2.

Ошибкой государственно-церковной политики Кони считал те методы, которые выбрала светская власть при прямом подстрекательстве РПЦ в отношении иных вероисповеданий. РПЦ боролась за сохранение и расширение паствы путем уголовных, административных запретов со стороны государства, преследованием людей, которые приобщались к иным религиозным практикам. В этой связи Кони писал, что от истории взаимоотношений между РПЦ и старообрядцами «пахнет дымом пылающих срубов и кровью», грубейшими нарушениями свободы совести и веротерпимости¹. Кони из работы в работу по религиозным вопросам как мантру повторял тезис, что торжество веры достигается поучением, кротостью и добрыми примерами и сожалел, что российская государственная и религиозная власть на протяжении нескольких столетий использовала против иных конфессий, старообрядцев и сектантов «меч светский»^{2,3,4,5}. Гуманист решительно выступал за упразднение насилия в деле верований коренного православного населения, которое подрывало нравственное значение господствующего исповедания и унижало его перед католицизмом и другими свободно исповедуемыми религиями⁶. Кони назидательно предлагал РПЦ в своей деятельности опираться на любовь и применять орудия мира⁷. Позже, в 1921 году Кони высказывался более смело и категорично, в частности в личной переписке он признавался, что православие для него имело лишь историческое значение и довольно отрицательное, так как начиная с Петра I оно было прислужником светской власти, забывшим меч духовный, и охотно обращавшейся к помощи меча светского⁸.

¹ Кони А. Ф. На жизненном пути. Из области религиозных исканий (Ясевич-Бородаевская В. И. Борьба за веру. Очерки по старообрядчеству и сектанству. СПб., 1912). Ревель-Берлин: Библиофил, 1922. Т. 3. Ч. 1. С. 460–461.

² Там же. С. 460–461.

³ Кони А. Ф. На жизненном пути. Штундисты. СПб., 1912. Т. 1. С. 545–546.

⁴ Кони А. Ф. На жизненном пути. Пасторские дела. СПб., 1912. Т. 1. С. 573.

⁵ Кони А. Ф. На жизненном пути. О переходе из одного исповедания веры в другое. СПб., 1912. Т. 2. С. 469–470.

⁶ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 185. Л. 9.

⁷ Кони А. Ф. На жизненном пути. О переходе из одного исповедания веры в другое. СПб., 1912. Т. 2. С. 470.

⁸ Неизвестные письма А. Ф. Кони к А. В. Жиркевичу // Знамя. 1995. № 1. С. 154.

Кони доказывал неразумность в современной ему России, находившейся в тесной и бесповоротной органической связи «с остальной Европой» использование властью политики эксплуатации в свою пользу религиозного чувства народа. Он вместе со своими единомышленниками призывал к созданию в условиях национального существования великого всеобъемлющего капитала умственной, нравственной и экономической жизни свободных и полноправных граждан⁹.

Кони предлагал РПЦ в первую очередь обратить внимание на свои внутренние проблемы, которые мешают ей, по его мнению, эффективно взаимодействовать с паствой. Он отмечал, что не стеснениями свободы совести, а «внутренней самодеятельностью» может быть крепка и сильна православная церковь¹⁰. Между тем, например, моральный и нравственный облик православного священника был далек от библейского образа христианского пастыря. Кони отмечал, что священники превратились в чиновников по духовной части, и уже как чиновники относятся к быту народа, с которым раньше делили горести и радости жизни¹¹. Священники нередко разъезжали на лихих тройках, с разряженными дамами, модно одетые и подстриженные. В этой связи Кони тосковал по смиренному священнику «старого покроя», пусть и со скупым школьным образованием, но искренне верившему тому немногому, что он знал¹². Так называемое образованное общество, по мнению Кони, представляет собой ловких эксплуататоров религиозного института путем лицемерного соблюдения внешней обрядовой стороны, демонстрацией почитания. Тем самым ловкие лицемеры становились бенефициарами влияния высшего духовенства, иными словами, монетизировали ее в свою пользу (уходили от заслуженного наказания, получали выгодные назначения, доходные места и прочее). В свою очередь высоким авторитетом пользовались не достойные и нравственные духовные лица, а священнослужители со связями, которые могли помочь в решении тех или иных вполне земных вопросов¹³. В результате, по мнению

⁹ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 185. Л. 8 (оборот).

¹⁰ Кони А. Ф. На жизненном пути. О переходе из одного исповедания веры в другое. СПб., 1912. Т. 2. С. 470.

¹¹ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 185. Л. 4.

¹² Там же. Л. 4 (оборот).

¹³ Там же. Л. 3 (оборот).

Кони, сложилась не пропаганда религии, а практика популяризации лицемерия и иезуитства, не поддерживающая, а разлагающая «государственную крепость»¹.

В общественном дискурсе живо обсуждался вопрос о значении вероисповедания в государственной жизни нации. Кони не был согласен с утверждением, что нравственное бессилие православия обуславливается свойствами самого вероисповедания, сравнивая в этой связи его с римским католицизмом. Также Кони не разделял взглядов тех, кто видел корень проблемы в недостаточном образовании православного духовенства. Он считал фантазией идею, что духовенству можно дать такое образование, которое позволит ему впоследствии возвысить значение вероисповедания, перевоспитать народ и перестроить его жизнь в соответствии с нужной целью². Кони большую пользу для общества видел в тех православных священнослужителях, у которых были искренние убеждения, но не высокий уровень образования. А большую опасность он фиксировал в образованных служителях РПЦ, которые не обладали религиозными убеждениями, но отличались карьеризмом.

Между тем, общественный запрос на здоровую религиозную жизнь в русском народе существовал и лучшим этому подтверждением, Кони считал, развитие в его среде сектантских практик, особенно штундизма. Последний он характеризовал истинным протестантизмом, свободным от наростов теургизма, жречества и фарисейства³. Умеренные легалисты особо обращали внимание на то, что русский православный человек в империи не обладал свободой религиозных убеждений, в то время как другие народы жили в условиях политики веротерпимости⁴.

По мнению умеренных легалистов, при отсутствии свободы совести само вероисповедание становилось актом безотносительным для внутреннего настроения верующего, государство своим регламентированием и обязыванием подчиняло себе духовную жизнь человека, исключало из нее такие элементы, как добровольность, искренность, правдивость. Все это приводило к внешнему, лицемерному послушанию формально верующего человека [1, с. 5]. Анализируя эту

проблему с христианской точки зрения, умеренные легалисты видели в этом недоверие государства к силе правды, вмешательство в дело божества; а с историософской позиции они отмечали также ошибочность регламентации государства в вопросе свободы совести, аргументируя, что ход развития человечества связан с освобождением от насилия⁵. Кони остроумно проводил параллель между проявлениями духовной и физиологической жизни человека. Он подчеркивал, что в случае со свободой совести государство регламентировало одно из самых общих условий психической жизни человека, такого же существенного и неприкосновенного, как дыхание или биение сердца в физиологической сфере⁶. Государство тем самым подавляло «жизненность» религиозного чувства, Кони прямо критиковал насилие государства в духовной сфере⁷.

Вопрос о свободе совести, умеренные легалисты экстраполировали и на проблему устойчивого развития России. В частности, они отмечали, что единство искренней веры, как опора здорового социального строя, будет гораздо сильнее во множестве церквей, нежели в одной насильственно сдерживаемой в единстве одной лишь внешней силой⁸. Введение свободы совести, по мнению Кони и его единомышленников, неизбежно лишило бы религиозный вопрос его острого характера в российском обществе. В этой связи Кони в свойственной ему манере писал, что насильственное удержание людей «в своей ограде», желающих по велению своей совести перейти в другую христианскую религию, не напоминает ли организм, недуг которого внешними мерами загнан внутрь?» И здесь же констатировал, что организм, упорно и тайно разъедаемый недугом, едва ли станет крепче⁹. Российское государство, по мысли Кони и его единомышленников, заинтересовано в уничтожении воображаемого принципа национального единения (православие – официальная религия), в сплочении многоконфессионального населения путем формирования общности, которая обладает «единым национальным капиталом экономической нравственной и интеллектуальной жизни

⁵ Там же. Л. 14.

⁶ Там же. Л. 14.

⁷ Там же. Л. 13 (оборот).

⁸ Там же. Л. 15.

⁹ Кони А. Ф. На жизненном пути. О переходе из одного исповедания веры в другое. СПб., 1912. Т. 2. С. 470.

свободных и полноправных граждан»¹. При введении «истинной веротерпимости» потеряют, по мнению Кони, лишь те, кто поддерживал иллюзию единства официального вероисповедания. Это, по мнению гуманиста, ввергало нацию в политическое унижение, в позорную безнравственность, в безоглядную эксплуатацию народных масс, которые погибали поколение за поколением в ужасах невежества и нищеты².

Умеренные легалисты выступали за однозначное, внятное закрепление свободы совести в российском законодательстве, были против полумер в этом важном вопросе. В этой связи Кони обращал внимание, что такой вопрос, как свобода вероисповедания, нельзя затушевывать в далекий уголок Свода Законов³. Кони просто негодовал, когда поступило предложение от его оппонентов закрепить свободу вероисповедания с оговоркой, что в случае если православный переходил в другую христианскую веру, то он утрачивал право поступления на государственную службу, а если бы смена религии произошла во время его пребывания на государственной службе, то данное лицо подлежало увольнению. Кони в этой связи указывал, что вопрос о свободе совести обратили в вопрос о принуждении совести⁴. Данный интеллектуальный ход своих оппонентов по вопросу свободы совести Кони называл дышащим нетерпимостью и приводил примеры инославного Баркляя-де-Толли, лютеран Канкрин, Рейтера и Бунге, ученого Бэра и католика Гааза, которые на славу послужили России на государственной службе⁵.

Отдельное внимание Кони обращал на способ закрепления в законодательном акте принципа свободы совести, его не устраивала простая отмена наказаний в отношении лица, которое перешло из одного вероисповедания в другое. Он подчеркивал, что свобода совести – одна из самых важных сторон духовной жизни человека, поэтому Кони требовал установления права на нее. Здесь он ссылаясь на западноевропейский опыт, где свобода совести трактовалась не как дозволенная возможность, а как право человека,

которое в свою очередь подлежало беспрепятственному осуществлению со стороны власти. И этого ему казалось недостаточно, он предлагал, наряду с закреплением *права перехода* из одного исповедания в другое, также закрепить *свободу перехода*, тем самым полагая, что такая конструкция устранил возможность какого-либо ограничения перехода из одного вероисповедания в другое⁶ [7, с. 477–478].

Приняв близко к сердцу принцип свободы совести, Анатолий Федорович последовательно отстаивал его с 1880-х годов. Сначала он использовал свое положение, занимая пост обер-прокурора и сенатора Уголовно-кассационного департамента Сената. На этих должностях он часто принимал к рассмотрению дела о религиозных преступлениях и, вопреки действующему законодательству, используя неясности и лазейки в законе, добивался оправдания различных лиц, обвиняемых в преступлениях по вере. В 1900–1906 годах, будучи сенатором 1 общего собрания Сената, Кони участвовал в коллективном обсуждении жалоб на административные меры, принимаемые в отношении разных религиозных групп. В составе группы единомышленников (около 12 сенаторов) он всегда голосовал за восстановление принципа свободы вероисповедания и свободы совести, когда такой вопрос только вставал на заседании Общего собрания. О его позиции хорошо знали старообрядцы, протестантские сектанты, иудеи. Впоследствии они поддерживали Кони, писали в честь него праздничные, а позднее панегирические статьи.

17 апреля 1905 года было опубликовано Положение Комитета министров «Об укреплении начал веротерпимости», положившее начало реализации принципа веротерпимости. Впоследствии было необходимо принимать многочисленные акты, конкретизирующие реализацию принципа веротерпимости. Кони, регулярно посещавший Совет министров во второй половине 1906 года, а затем в Государственном Совете продолжал борьбу за реализацию принципа. Совет министров утвердил Правила о порядке устройства последователей старообрядческих согласий общин, а также о правах и обязанностях сих лиц, Николай II санкционировал данные

¹ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 185. Л. 15 (оборот).

² Там же. Л. 15 (оборот), 16.

³ Кони А. Ф. На жизненном пути. О переходе из одного исповедания веры в другое. СПб., 1912. Т. 2. С. 469.

⁴ Там же. С. 470.

⁵ Там же. С. 473.

⁶ Кони А. Ф. На жизненном пути. О переходе из одного исповедания веры в другое. СПб., 1912. Т. 2. С. 477–478.

Правила, а далее они обсуждались в Государственной Думе¹. В 1907 году правительство П. А. Столыпина внесло в Думу законопроект «О старообрядческих общинах», который после бурных дебатов был утвержден и направлен в Государственный Совет. В Государственном Совете проект закона долго обсуждался и «замыливался». Анатолий Федорович и там энергично выступал за принятие закона. Его эмоциональные выступления, призывы к разуму были окрашены пессимизмом. Кони понимал, что правый состав Госсовета не пропустит необходимый закон. Законопроект «кочевал» из Госдумы в Госсовет и обратно и так и не был принят^{2,3,4} [9, с. 138].

Вопрос о свободе совести в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. был одним из наиболее острых в жизни страны. Многие проблемы российского общества, сложности государственно-церковной политики, недопонимание РПЦ во взаимоотношениях с паствой, русификация окраин империи так или иначе упиралась в предоставление свободы совести. И это был тот самый гордиев узел, в котором причудливо переплетались религиозные, национальные, социально-политические, нравственные и другие болячки российского общества. Введение свободы совести, по мнению либеральных легалистов, символизировало бы меч Александра Македонского, который разрубил узел фригийского царя Гордия.

Умеренные легалисты разделяли идеалы правового государства, стремились установить его принципы в империи. Легалисты представляли собой политизированную часть российских юристов рассматриваемого периода. Они были людьми разносторонними и зачастую одаренными, поэтому идеи свободы совести отстаивали в разных своих ипостасях – как судебные деятели

(в Сенате формировали правоприменительную практику по религиозным делам), государственные служащие (в Государственном Совете и целом ряде комиссий участвовали в законотворческой работе), общественные трибуны (выступали в прессе и на разных дискуссионных площадках, тем самым формируя общественное мнение в пользу свободы совести) и, наконец, как ученые-юристы, теоретически обосновывали необходимость введения свободы вероисповедования в Российской империи. Кони реализовывал свой творческий потенциал во всех четырех вышеназванных сферах.

Нравственное разложение общества как в нижних, так и в высших слоях Кони и его единомышленники связывали с кризисом духовной жизни русского народа. Авторитет православного духовенства среди населения стремительно падал. По наблюдениям умеренных легалистов, общественный запрос у русского народа на здоровую религиозную жизнь был, однако, к сожалению, зачастую не мог быть реализован в институтах православной церкви. А отпадение в иные религиозные практики сурово наказывал закон. Иными словами, потребность в искренней духовной жизни была, а реализовать ее не было возможности. В этом Кони и его единомышленники видели причины многих социальных девиаций у русского народа (пьянства, суеверий, тунеядства, разврата и др.). Предел всему этому, по их мнению, должно было положить введение реальной свободы совести, которое бы положило конец политике насилия над духовной жизнью народа.

Умеренные легалисты были убеждены, что духовная свобода населения позитивно скажется на развитии российской государственности и уберезет ее от потрясений. Кони и его единомышленники стремились юридически четко и определенно закрепить свободу совести в российском законодательстве, не соглашались на полумеры в этом вопросе и компромиссные варианты, которые поступали из консервативного лагеря.

¹ ГАРФ, Ф. 564, Оп. 1, Д. 691, Л. 1–46.

² Кони А. Ф. На жизненном пути. О переходе из одного исповедания веры в другое. СПб., 1912. Т. 2. С. 469–470.

³ Кони А. Ф. Собрание сочинений в восьми томах. М. : Юридическая литература, 1969. Т. 8. С. 443–463.

⁴ Кони А. Ф. На жизненном пути. О старообрядческих общинах. СПб., 1912. Т. 2. С. 264, 432.

1. Бобрищев-Пушкин А. М. Суд и раскольники-сектанты. СПб : Сенатская типография, 1902. 207 с.

2. Дорская А. А. Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. 144 с.

3. Дорская А. А. Влияние идей манифеста 17 октября 1905 г. на реализацию свободы совести в России // Научный поиск. 2016. № 1.2. С. 11–14. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26152967&> (дата обращения: 28.12.2021).

4. Лучшев Е. М. Изменения в российском религиозном законодательстве в 1903–1905 годах // Труды Государственного музея истории религии. 2019. № 19. С. 132–150. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44405932> (дата обращения: 28.12.2021).
5. Лучшев Е. М. Вопросы религиозного законодательства в деятельности II Государственной Думы (1907 г.) // Труды Государственного музея истории религии. 2018. № 18. С. 174–186. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44406027> (дата обращения: 28.12.2021).
6. Минеева Т. Г., Романовская В. Б., Сальников В. П. Эволюция представлений о свободе совести и их влияние на развитие уголовного законодательства в Российской империи второй половины XIX в. // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 1 (55). С. 111–118. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38488623> (дата обращения: 28.12.2021).
7. Пинкевич В. К., Золотых С. В. Вероисповедные реформы П. А. Столыпина в контексте преобразований в Российской империи // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2019. № 1. С. 20–25. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39163122> (дата обращения: 28.12.2021).
8. Попова О. Д. Взаимоотношения прихожан и духовенства в России в системе ментальных установок начала XX в. // Вопросы истории. 2020. № 11 (1). С. 179–191. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44218993> (дата обращения: 28.12.2021).
9. Селезнев Ф. А. Судьба законопроекта о старообрядческих общинах (1905–1914) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 1. С. 130–140. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=10007947> (дата обращения: 28.12.2021).
10. Шингарева Н. В., Ермаков Е. Г. Роль МВД Российской империи в подготовке законопроектов по вопросам веротерпимости и свободы совести в начале XX в. // На страже правопорядка и законности: сборник научных статей, посвященный 300-летию образования российской полиции. М., 2017. С. 79–83. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32586164> (дата обращения: 28.12.2021).

Статья поступила в редакцию 12.01.2022; одобрена после рецензирования 03.02.2022; принята к публикации 01.03.2022.

Об авторе

Рыбин Данил Вячеславович

кандидат исторических наук, доцент, директор Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), (199178, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, В. О., 10-я линия, д. 19, литер А), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4851-2235>, danilarybin@rambler.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Bobrishchev-Pushkin A. M. Sud i raskol'niki sektanty [Court and sectarian schismatics]. St.-Peterburg, Senate Publ. house, 1902, 207 p. (In Russ.).
2. Dorskaya A. A. Svoboda sovesti v Rossii: sud'ba zakonoproektov nachala XX veka [Freedom of conscience in Russia: the fate of draft laws at the beginning of the 20th century]. St.Peterburg, Publ. house of RSPU named after A. I. Gertsen, 2001, 144 p. (In Russ.).
3. Dorskaya A. A. Vliyanie idei manifesta 17 oktyabrya 1905 g. na realizatsiyu svobody sovesti v Rossii [The influence of manifesto of October 17, 1905 for the implementation of freedom of conscience in Russia]. *Nauchnyi poisk* = Scientific Search, 2016, no. 1.2, pp. 11–14. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26152967&> (accessed 28.12.2021). (In Russ.).
4. Luchshev E. M. Izmeneniya v rossiiskom religioznom zakonodatel'stve v 1903–1905 godakh [Changes in the Russian religious legislation during the years of 1903–1905]. *Trudy Gosudarstvennogo muzeya istorii religii* = Proceedings of the State Museum of the History of Religion. 2019, no.19, pp.132–150. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44405932> (accessed 28.12.2021). (In Russ.).
5. Luchshev E. M. Voprosy religioznogo zakonodatel'stva v deyatel'nosti II Gosudarstvennoi Dumy (1907 g.) [Questions of religious law in activity II State Duma (1907)]. *Trudy Gosudarstvennogo muzeya istorii religii* = Proceedings of the State Museum of the History of Religion, 2018, no. 18, pp. 174–186. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44406027> (accessed 28.12.2021). (In Russ.).
6. Mineeva T. G., Romanovskaya V. B., Salnikov V. P. Evolyutsiya predstavlenii o svobode sovesti i ikh vliyanie na razvitie ugovnogo zakonodatel'stva v Rossiiskoi imperii vtoroi poloviny XIX v. [The evolution of the ideas of freedom of conscience and their impact on the development of criminal legislation in the Russian Empire in the second half of the 19th century]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = THE RULE-OF-LAW STATE: theory and practice. 2019, no. 1 (55), pp. 111–118. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38488623> (accessed 28.12.2021). (In Russ.).
7. Pinkevich V. K., Zolotykh S. V. Veroisповедnye reformy P. A. Stolypina v kontekste preobrazovaniy v Rossiiskoi imperii [Religious reforms of P. A. Stolypin in the context of transformations in the Russian Empire of the early XX century]. *Magistra Vitae: elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii* = *Magistra Vitae*: an electronic journal on historical sciences and archeology, 2019, no. 1, pp. 20–25 Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39163122> (accessed 28.12.2021). (In Russ.).

8. Popova O. D. Vzaimootnosheniya prikhozhan i dukhovenstva v Rossii v sisteme mental'nykh ustanovok nachala XX v. [The interaction of Russian parishioners and Russian parish priests through the prism of Russian mentality in the early 20th century]. *Voprosy istorii* = Issues of History, 2020, no. 11 (1), pp. 179–191. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44218993> (accessed 12.28.2021). (In Russ.).

9. Seleznev F. A. Sud'ba zakonoproekta o staroobryadcheskikh obshchinakh (1905–1914) [Destiny of the bill on Old Believer communities (1905–1914)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod, 2008, no. 1, pp. 130–140. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=10007947> (accessed 12.28.2021). (In Russ.).

10. Shingareva N. V., Ermakov E. G. Rol' MVD Rossiiskoi imperii v podgotovke zakonoproektov po voprosam veroterpimosti i svobody sovesti v nachale XX v. [The role of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in the preparation of bills on religious tolerance and freedom of conscience at the beginning of the 20th century]. *Na strazhe pravoporyadka i zakonnosti. Sbornik nauchnykh statei, posvyashchennyi 300-letiyu obrazovaniya rossiiskoi politzii* = On the guard of law and order and legality. Collection of scientific articles dedicated to the 300th anniversary of the formation of the Russian police, M., 2017, pp. 79–83. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32586164> (accessed 12.28.2021). (In Russ.).

The article was submitted 12.01.2022; approved after reviewing 03.02.2022; accepted for publication 01.03.2022.

About the author

Danil V. Rybin

Ph. D. (History), Associate Professor, Director of St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), (10-line, house 19 letter A, Vasiliyevsky ostrov, St. Petersburg 199178, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4851-2235>, danilarybin@rambler.ru

The author has read and approved the final manuscript.